

801-14
1909

1/275

А. И. ФАРЕСОВЪ

ГОЛОСА ЗЕМЛИ

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ

ЮБИЛЯРУ СВѢТЛОЙ ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОМУ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ СОЦІАЛИЗМЪ. СРЕДИ МОХОВИКОВЪ. ИЗЪ
ЖИЗНИ ДУХОВЕНСТВА. СОЛОМОНЪ. НА ГЛУХАРИНОМЪ
ТОКУ. ЖЕРТВА ЛЮБВИ. ЗНАКОМСТВО СЪ ДУХОВОРАМИ.
«БОЖІЙ ПУТЬ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

2007057336

Государственная библиотека Российской Федерации

Авторъ записываетъ свою бесѣду съ Степаномъ Игнатьевымъ, крестьяниномъ деревни Крутець, Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи.

Знакомство съ духоборами.

I.

Мое знакомство съ кавказскими духоборами въ июнѣ 1898 года было совершенно случайное. Моя жена—врачъ въ Петербургѣ—была приглашена по данному ей адресу осмотрѣть больную дѣвочку. Розыскавъ на Пушкинской улицѣ означенный домъ и квартиру, она очутилась въ семьѣ простолюдиновъ, странно одѣтыхъ, но производящихъ пріятное впечатлѣніе. Мужчины носили темно-синіе костюмы, картузы съ огромными козырьками, широкія шаровары съ блумерами, какъ у велосипедистокъ, короткія черкески, подъ которыми виднѣлись глухіе жилеты; а на женщинахъ обращали на себя вниманіе ихъ головные уборы, съ цвѣтными розетками.

— Мы духоборы, сказали женѣ присутствующіе. Намъ здѣсь двѣ семьи... Ёдемъ съ Кавказа въ Англию. Друзья вызываютъ на совѣтъ... Хотятъ переселить насъ съ Кавказа на островъ Кипръ или въ Америку—въ Канаду. Вотъ дѣвочка въ пути заболѣла... Жаръ, животикъ болитъ...

Осмотрѣвъ больную и указавъ соответственныя мѣры, жена не могла не замѣтить толковыхъ отвѣтовъ переселенцевъ и ихъ исполненнаго тихаго достоинства обращенія между собою. Она заинтересовалась ими. Лица когда-то несомнѣнно красивыхъ женщинъ были осмысленны и часто озарялись счастливой улыбкой, когда моя жена ласкала и хвалила ихъ дѣтокъ. Послѣднихъ было очень много въ комнатѣ. Никто изъ нихъ не утратилъ дѣтскаго выраженія и они безъ всякой робости подходили къ женѣ, когда та протягивала имъ руку.

— Не понимаютъ они еще своей судьбы, замѣтили старшіе. Имъ все хорошо. На чужой сторонѣ, и на родинѣ... Имъ что! Выѣхали мы изъ мокрыхъ мѣстъ въ горахъ и все здѣсь ново для нихъ. А что будетъ впереди—они не знаютъ.

— Мы и сами-то не знаемъ своей судьбы, замѣтила одна изъ духоборокъ. Вотъ въ баню не знаемъ, какъ найти дорогу.

— Въ этомъ домѣ, гдѣ вы живете, находятся и бани, отвѣтила жена.

— Близко?

— Да... Вамъ укажутъ. Рядомъ.

— А бѣлье можно постирать будетъ тамъ?—спросила другая женщина, болѣе пожилая. — Здѣсь, въ меблированныхъ комнатахъ, ничего не достать.

— Въ баняхъ тоже нельзя стирать бѣлье.

— Вотъ и горе наше. Ёдемъ издалека, а послѣ завтра на пароходъ сядемъ. Все бѣлье переносили, а вымыть нельзя.

Жена, разумѣется, предложила женщинамъ собрать все бѣлье и придти вымыть его у насъ на квартирѣ.

— Дай Господь вамъ за это здоровья. Спаси васъ Господи, отвѣтили присутствующіе.

Уходя отъ нихъ, жена еще разъ напомнила все нужное для больной дѣвочки и сказала, что наша прислуга приготовить къ завтрашнему утру и кипяченой воды, и корыто для стирки бѣлья.

На другой день, жена, по обыкновенію, должна была ѣхать въ больницу и мнѣ пришлось самому встрѣтить духоборокъ. На меня они также произвели впечатлѣніе хорошихъ и вдумчивыхъ женщинъ, исповѣдующихъ не многочисленныя истины, но весьма существенныя для нормальной жизни.

— Съ Христомъ пожить хочется, отвѣтили онѣ просто на мой вопросъ о цѣляхъ переселенія изъ Россіи.

Болѣе подробнаго отвѣта онѣ не могли дать и, какъ мнѣ показалось, сами не нуждались въ немъ. Изъ дальнѣйшихъ ихъ словъ о томъ, какъ окрестное населеніе относится къ нимъ на Кавказѣ, я убѣдился, что духоборки, не умѣя обобщать факты, отлично понимаютъ въ отдѣльности каждое событіе.

— У кого есть родственники, сказали онѣ, тѣхъ жалѣли и оплакивали, видя, что мы разорены и болѣемъ лихорадками; а у кого нѣтъ родственниковъ, того никто не жалѣлъ и всякій считалъ это по дѣломъ намъ... А сами хулители и водку пьютъ, и мясо ѣдятъ, и воюютъ, и живутъ между собой худо...

— Ну, теперь идите мыть бѣлье, сказалъ я, видя, что моя прислуга приготовила для нихъ воду. Напой потомъ ихъ также чаемъ, сказалъ я прислугѣ, а духоборкамъ пообѣщавъ придти вечеромъ познакомиться съ ихъ мужьями.

— Милости просимъ... Мы этому рады. Вы насъ, какъ родные, здѣсь встрѣтили.

— У всѣхъ Богъ одинъ, всѣ родные...

— Тоже и мужья намъ говорятъ... Они лучше насъ поговорятъ съ вами объ этомъ.

— Прекрасно. Я приду.

Вечеромъ моя прислуга подошла ко мнѣ и, нѣсколько встревоженно и внутренно негодуя, произнесла:

— Я все допытала... какіе они люди.

— Кто?

— Да, эти, что стирали по утру у насъ бѣлье-то. Не хорошая ихъ вѣра...

— Вѣдь они тебѣ не навязывали ее?

— Нѣтъ... Я сама выпытывала.

— Такъ чего же жалуешься? Онѣ тебѣ не мѣшали, а ты лѣзла къ нимъ съ распросами.

— Не мѣшали. Нисколько не мѣшали. Хорошіе люди, а только вѣра ихъ нехорошая. Вѣдь у нихъ нѣтъ ни образовъ, ни священниковъ, ни церкви... Безъ Бога окончательно.

— Не можетъ быть...

— Да, я уже все узнала... Въ душѣ у нихъ Богъ...

— А ты говоришь, что у нихъ нѣтъ Бога...

— У насъ Онъ и на стѣнахъ, и въ церкви, и на шеѣ крестъ Господній... У насъ больше Бога.

Религіозная женщина не могла помириться съ духоборческимъ опрощеніемъ вѣры.

Умъ ея привыкъ удовлетворяться болѣе привычными ей богословскими представленіями о Творцѣ. Она осуждала даже скромную жизнь духоборовъ.

— Постники круглый годъ, повторяла она съ неудовольствіемъ. Скотина и птица созданы для чело-

вѣрка, а они мясо не ѣдятъ... И вино не винить чело-
вѣка, а дѣла... Имущества тоже не накопляютъ и
ничего у нихъ нѣтъ своего. Не хороша ихъ вѣра и
жизнь.

Я хотѣлъ, однако, поближе присмотрѣться къ
прїѣзжимъ духоборамъ и отправился къ нимъ въ
гости. Въ занимаемомъ ими номерѣ стояли на полу
большіе мѣшки съ платьемъ и запасами сухарей на
дорогу.

— Завтра ѣдете?

— Хотѣли къ завтраму окончить грузить пароходъ...

— Вы ѣдете на грузовомъ пароходѣ?

— На грузовомъ. На пассажирскомъ у насъ не
хватитъ денегъ. Были мы прежде богаты, а теперь
ничего нѣтъ.

— Вы, что же, за богатствомъ ѣдете въ чужія
страны?—Больше, думаете, его тамъ?

— Мы не о томъ тужимъ, отвѣтилъ мнѣ за всѣхъ
самый старшій изъ духоборовъ, Иванъ Васильевичъ
Ивинъ. У насъ было его много; но мы боялись по-
терять чистоту жизни, а не богатство.

При этомъ онъ разсказалъ мнѣ исторію о томъ,
какъ въ духоборскомъ быту славился чистотою жизни
родъ Калмыковыхъ.

— Они-то и затѣяли у насъ «Сиротскій домъ»,
куда духоборы сносили и лишнія деньги, и запасы
для сиротъ и бѣдныхъ между нами. Съ годами «Си-
ротскій домъ» разбогатѣлъ. Когда умеръ управяв-
шій домомъ, послѣдній Колмыковъ, его мѣсто заняла
его жена Лукерья Васильевна и дѣла «Сиротскаго
дома» шли хорошо... Большіе капиталы были... Вотъ
эти-то капиталы и погубили насъ... У Калмыковыхъ
были и родственники, и близкіе друзья. Образова-

лась изъ нихъ «малая партія». Они знали, что бо-
гатство «Сиротскаго дома» общее, но что у насъ, у
«большой партіи», нѣтъ на него никакихъ докумен-
товъ. Стали ходить дурные слухи про Лукерью и
близкихъ ея помощниковъ. Кто говорилъ, что они
любовники; а кто доносилъ, что Лукерья сама себя
величаетъ богородицей.

— Ну, а они, что же, опровергали этотъ слухъ?

— Зачѣмъ? Они не хотѣли подсыпать зла... Пусть
себѣ говорятъ, что думаютъ, лишь бы я самъ не былъ
въ своей жизни блудникомъ или разбойникомъ. Не
для людей мы живемъ, а для Бога. Дурныхъ людей
Господь посылаетъ на насъ для испытанія нашей
вѣрности. Мы не противимся имъ: пусть они говорятъ
неправду, мы не пойдемъ биться съ ними и ожесточать
ихъ еще болѣе.

Для меня эти мысли не были новы, но въ устахъ
простого мужика и земледѣльца они производили
впечатлѣніе болѣе сильное. «Черноручники», какъ
называли себя духоборы, когда я спросилъ объ ихъ
занятіяхъ, исповѣдывали «непротивленіе злу» такъ
натурально и естественно, что охотно вѣрилось ихъ
послѣдовательности.

— Если врага не трогаетъ моя тихая жизнь,
сказалъ другой духоборъ Петръ Васильевъ Мохор-
товъ¹⁾, то моимъ гнѣвомъ я не растрогаю его и онъ
насмѣется надъ нимъ. Всегда подвергаешь себя
новымъ униженіямъ и оскорбленіямъ, когда подсы-
паешь врагу зла.

¹⁾ Обоихъ духоборовъ: Ивина и Мохортова упоминаетъ
также и г. Тверской въ своихъ брошюрахъ о пребыванія духо-
боровъ въ Америкѣ: «Изъ духоборческой эпопеи».

Противъ этой логики трудно было возражать. Я просилъ продолжать исторію о «Сиротскомъ домѣ».

— Кончилось тѣмъ, продолжалъ Ивинъ, что «малая партія» захватила «Сиротскій домъ» по праву родства съ Калмыковыми, а отъ насъ потребовали документовъ въ томъ, что богатство было общее. Мы взяли «аблаката», и они тоже... Такую подняли возню, вмѣшали въ свое домашнее дѣло мѣстное начальство и грѣхъ умножился. Наконецъ, многіе изъ насъ вспомнили, что «Сиротской домъ» строили ради Господа и ради бѣдныхъ, что совсѣмъ негодится намъ имѣть дѣло съ «аблакатами» и что лучше совсѣмъ потерять богатство.

Этотъ рассказъ находилъ себѣ подтвержденіе также въ письмѣ отъ 20 сентября 1900 года духоборовъ къ эмигрантскому агенту Алексѣю Францовичу Моду, взявшему на себя въ Америкѣ роль посредника между духоборами и Канадскимъ правительствомъ по вопросу о переселеніи и благоустройствѣ духоборовъ въ Америкѣ. Въ означенномъ письмѣ, между прочимъ, духоборы говорятъ:

«Не было примѣра между нами имущественной судебной тяжбы. Разъ только, около 15 лѣтъ назадъ, возникло среди насъ тяжёлое дѣло изъ-за общественнаго имущества, потому что въ видахъ возстановленія справедливости мы обратились къ суду. Но потому именно, что мы обратились къ суду, возникла среди насъ такая неправда и злоба, что нельзя было жить; и мы были очень близки къ духовной гибели, но только благодаря самой милости Божіей вѣремя опомнились, отказались отъ почвы зла и насилія и, испытавъ жестокія лишенія и муки, возвратились на

ту почву жизни по свободѣ и совѣсти, которая была завѣщана намъ предками».

— Духъ, говорилъ Ивинъ, животворилъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ въ бѣдствіяхъ жизни, а не наши пожитки... «Возьмите ихъ и Богъ съ вами», рѣшили мы, не желая болѣе бороться съ «малой партіей». Отказались мы отъ «аблакатовъ» и не стали судиться... Изъ-за богатства у насъ пошли раздоры и мы съ радостью отъ него отказались. Оно испортило нашихъ братьевъ, но другіе черезъ то сдѣлались еще болѣе духоборами.

II.

Въ это время изъ коридора постучались къ намъ въ номеръ и одна изъ духоборокъ отворила дверь. Пришелъ извѣстный въ то время, какъ гуманный писатель, М. О. Меньшиковъ. Выслушавъ исторію о «Сиротскомъ домѣ», онъ сдѣлалъ очень тонкое замѣчаніе духоборамъ.:

— Это васъ Богъ испытывалъ богатствомъ. Все человѣкъ можетъ вынести: и насиліе враговъ, и отказаться отъ «убоины», и чистоту сердца соблюсти съ женщинами, а богатствомъ рѣдкій человѣкъ не соблазнится. Вспомните притчу о богатомъ юношѣ.

— Мы все это узнали на себѣ, отозвались духоборы. Если бы мы довольствовались тѣмъ, что каждому нужно на день, а не копили бы богатства, то и раздоръ не было бы. А теперь многіе изъ насъ скатились съ Евангелія на мірское.

— Это было испытаніе для вѣрныхъ, повторилъ Меньшиковъ, завернувшій къ духоборамъ по дѣлу и теперь торопившійся проститься съ ними.

— Точно такъ, радостно согласились духоборы. Не всё изъ насъ бросились дѣлать «Сиротскій домъ». Мы продолжали держаться мнѣнія о томъ, что потерять Господне дѣло хуже, чѣмъ нажитыя деньги. Мы не стали препятствовать соблазненнымъ изъ насъ и полагаемся на Бога, что Тотъ пошлетъ имъ свое «крещеніе духомъ и покаяніемъ». Можетъ быть и наши страданія тронуть «малую партію», и она сама вспомнитъ объ обидахъ намъ и обратится къ Господу. Вѣдь другого нѣтъ средства къ спасенію грѣшныхъ людей. Ну, что же: «аблакаты» могли бы доказать, что богатство было у насъ общее и мы оставили бы его у себя неприкосновеннымъ. Наши средства множились бы, а обиженные стороны еще болѣе бы зарились на нихъ и когданибудь въ большомъ азартѣ отняли бы ихъ силой. А мы не хотимъ оружіемъ защищать свое имущество и губить свою совѣсть. Грѣхъ умножился бы черезъ кровь и тяжбы по судамъ; а теперь мы сами не захотѣли подсыпать зла и предоставили недруговъ своихъ Господу Богу. Онъ ужъ лучше насъ знаетъ, кого чѣмъ исправить. Человѣкъ накажется и исправится отъ собственныхъ дѣлъ своихъ. Божья воля лучше нашего разума; а воля Божья не погубитъ человѣчскій родъ, а спасти его. Кто изъ насъ лучше другого, тому еще болѣе нужно держаться Евангелія и не скатываться на Библию или на мірскія книги.

— Значить, спросилъ я: вы помирились съ утратою накопленныхъ годами вашихъ богатствъ?

— Давно помирились... Сначала, конечно, было обидно, а потомъ Господь послалъ намъ свѣтъ свой и мы возрадовались, что опять вспомнили Господнее дѣло и что надо жить для духа и вѣчности. Мы

отбросили корысть и покаялись Господу. До того времени у насъ часто было то, чего не нужно было бы намъ держать въ своихъ рукахъ, по нашей вѣрѣ. У насъ были свои, деревенскія, ружья. Мы сами никого не убивали, а всетаки имѣли ихъ въ своихъ жилищахъ. Случалось, что у насъ воровали скотину. Мы догоняли вора и просили отдать намъ нашу собственность: убивать не убивали мы никого, а просили и грозились. Воръ и думалъ про насъ, что мы такіе же, какъ и онъ: любимъ деньги и съ оружіемъ защищаемъ ихъ. Онъ тоже оборонялся и рѣдко слушалъ наши просьбы и моленья. Порѣшили мы наконецъ на радостяхъ совсѣмъ не имѣть у себя оружія и сжечь его во всѣхъ духоборческихъ селеніяхъ «большой партіи». Мы хотѣли разстаться съ оружіемъ, а враги наши пустили слухъ, что мы собираемъ ружья, чтобы идти войною на «Сиротскій домъ», разгромить «малую партію» и вернуть себѣ свои богатства. У насъ вездѣ шло моленье на колѣняхъ подъ открытымъ небомъ и горѣли костры, куда для сожженія были собраны ружья; а казаки думали, что мы бунтъ учиняемъ, избили и разогнали насъ нагайками. «Малая партія» потомъ распустила клевету о томъ, что, испугавшись казаковъ и желая уничтожить подозрѣніе о намѣреніи ограбить «малую партію», мы сожгли свои ружья и притворно молились Богу на поляхъ. А молитва наша, на которой насъ застали казаки, возносилась къ Богу въ благодарность за то, что онъ надоумилъ насъ не судиться болѣе съ братьями и выкинуть въ огонь оружіе изъ домовъ и рукъ своихъ навсегда. Если бы мы хотѣли идти на грабежъ «малой партіи», то зачѣмъ же костры находились въ разныхъ мѣстахъ, а не въ близи «Сиротскаго дома»? Объ этомъ не думали и не

вѣрили, что мы подъ открытымъ небомъ благодарили Бога за хорошія намъ внушенія¹⁾).

— Что же, спросилъ я: послѣ вашихъ молитвъ легче стало на душѣ?

— Развязало совѣмъ насъ съ «малой партіей», отвѣтили переселенцы. Какъ только во всеуслышаніе было сказано, что мы не хотимъ тягаться изъ-за богатства, и все оружіе сожгли, такъ даже турки по сосѣдству полюбили насъ и меньше обижали, чѣмъ ранѣе. Прежде случались воровство и обиды, а теперь худой человѣкъ придетъ къ намъ, посидитъ съ нами и силой ничего не бралъ, а просилъ... Знаетъ, что мы не обороняемся и уходилъ прочь, посмѣиваясь и похваливая насъ. Добрѣ отношенія стали...

— Улучшились?

— Да, улучшились... Мы не обороняемся и было стыдно обижать насъ. Это всѣми замѣчено.

— Рано вы начали такъ жить, замѣтилъ я.

— Да, говорятъ, рано... А намъ не дожидаться... Хочется самимъ поискать Христа и пожить съ Нимъ.

Ивинъ произнесъ эти слова съ удивительной простотой и естественностью. Изъ рода въ родъ духоборы подавляли въ себѣ гнѣвъ и изъ нихъ выработался

¹⁾ Въ «Новомъ времени» отъ 15 дек. 1900 г. за № 8810 сказано: «Пристава и другіе мелкіе чины безчеловѣчнѣйшимъ образомъ пользовались духоборческою распрей, которая ставила сектантовъ въ положеніе все менѣе законное. Сколько тамъ было лихоимства, вымогательства, издѣвательства надъ человѣческою личностью и надъ служебнымъ долгомъ,—про то извѣстно одному Господу. Не безъизвѣстно это было и самому кавказскому начальству, которое сравнительно еще недавно сочло своей обязанностью удалить со службы разными способами нѣсколькихъ административныхъ участниковъ этого несчастнаго дѣла».

типъ кроткаго и милостиваго человѣка. Я посмотрѣлъ на взрослыхъ съ этой точки зрѣнія и перенесъ свой взглядъ на дѣтей. Послѣднія были совершенно не знакомы въ своихъ семьяхъ съ бранью и съ гнѣвными поступками старшихъ. Неудивительно, что ихъ лица свѣтились привѣтливостью и милотой, какъ у дѣтей отлично воспитанныхъ въ культурныхъ семьяхъ. Между тѣмъ, мои духоборы не всѣ были грамотны, и только самый даровитый изъ нихъ, Ивинъ, читалъ священныя книги. Но и онъ не былъ наставникомъ у себя на Кавказѣ: какъ онъ думалъ о Богѣ и людяхъ, такъ думали о томъ же и другіе его спутники. Онъ былъ даровитѣе и краснорѣчивѣе ихъ, но степень образованности и настроенія были общія въ этихъ двухъ семьяхъ, съ которыми я столкнулся.

Мнѣ была тѣмъ болѣе пріятна бесѣда съ духоборами-черноручниками, а не книжниками. Ихъ отвѣты на многіе мои вопросы исходили именно изъ того положенія, что спокойствіе духа дороже имъ жизни и имущества. Я просмотрѣлъ ихъ паспортъ: онъ былъ у нихъ общій и выданъ на всѣхъ, вслѣдствіе бѣдности. Всѣмъ имъ разрѣшалось ѣхать за границу—«безвозвратно», какъ было прописано.

— Сами не знаемъ, гдѣ устроимся, сказали они, прощаясь со мной. Мы посланы отъ духоборовъ. Ёдемъ въ Англію и тамъ наши друзья скажутъ, гдѣ лучше: на островѣ Кипрѣ или Америкѣ, или въ Азій... Сами не знаемъ, что съ нами будетъ.

На мое сожалѣніе о нихъ, они съ необыкновенной простотой отвѣтили:

— Только бы господнее дѣло не погубить въ своемъ сердцѣ, а то вездѣ будетъ хорошо... Мы никого не обижаемъ и только ищемъ мѣста, гдѣ бы намъ не мѣшали по нашей совѣсти работать и кормиться.

Поздно ушелъ я отъ духоборовъ взволнованнымъ и не могъ не записать мою съ ними бесѣду подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ.

III.

Къ означеннымъ свѣдѣніямъ о духоборахъ интересно вспомнить отвѣтъ кавказскихъ духоборовъ, когда ихъ спросили о причинахъ гоненія на нихъ.

Духоборы отозвались...

— Да что вамъ сказать? Спросите Зубкова и Губанова—они вамъ скажутъ все.

— А кто эти Зубковъ, Губановъ?

— Зубковъ—старшина нашего общества. Онъ насъ и продалъ. Въ продажѣ участвовали многіе, но главнымъ образомъ Зубковъ и братъ покойной Лукерьи Васильевны Губановъ.

— А кто это Лукерья Васильевна?

— Наша богородица, хранительница нашего добра, нашихъ миллионъ.

— Ну?

— Вотъ, умираетъ наша Лукерья Васильевна и все наше богатство захватываютъ Зубковъ, Губановъ и всѣ ихъ соумышленники. Девять лѣтъ тянулось дѣло. Подавали жалобу и мѣстному начальству, и въ окружной судъ, но... вездѣ проиграли. Разъ не хотятъ принять и разобрать наше справедливое дѣло, мы тоже отказываемся исполнять всякое приказаніе начальства.

— Но вѣдь за ослушаніе вы можете понести наказаніе. Вы это знаете?

— Знаемъ, но теперь для насъ все равно. Хуже этого не будетъ. Пусть Зубковъ, Губановъ и ихъ

соумышленники благоденствуютъ нашимъ добромъ. До сихъ поръ мы исполняли всѣ приказанія начальства, а теперь не пойдемъ ни на присягу, ни на военную службу и платить повинностей никакихъ не будемъ. Вы видите нашихъ, въ какомъ они положеніи. Такая же участь ожидаетъ и остальныхъ 7 селеній. Восьмое же селеніе «Горѣловка» оставлено, такъ-какъ оно приняло сторону Зубкова и Губанова.

— Видя безотрадное положеніе вашихъ семействъ, вамъ слѣдовало подчиниться приказаніямъ начальства.

— Намъ безразлично, куда бы ни сослали. Вездѣ—Богъ, вездѣ земля. Будемъ работать, будемъ трудиться и съ голоду не помремъ. Остались у насъ фургоны да лошади, но ихъ или побросаемъ, или задаромъ продадимъ. Вѣдь, пришлось побросать нашъ скотъ, или продавать быковъ по 5, по 4 рубля, а коровъ по 3 руб. И за что все это? Жили же 50 лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Никого не обижали, не воровали, не пьянствовали, ни въ чемъ дурномъ не были замѣчены. А теперь за что насъ обижаютъ? (См. «Новое Время» № 7021).

Къ этимъ газетнымъ подробностямъ едвали нужно прибавлять то, что духоборы на Кавказѣ выдѣлялись среди мѣстнаго населенія не только кротостью своей вѣры, но и замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Ихъ можно считать самыми надежными колонизаторами Кавказа и, разумѣется, удаленіе ихъ изъ горнаго и суроваго края отразилось крайне неблагоприятно на мѣстной культурѣ.